

Наше оружие — слово

ХРОНОМЕТР-10

Издание группы авторов под редакцией
Сергея Ходосевича
Летнее время. Июнь 2019

Сергей Ходосевич

**Хронометр-10. Издание
группы авторов под
редакцией Сергея Ходосевича.
Летнее время. Июнь 2019**

«Издательские решения»

Ходосевич С.

Хронометр-10. Издание группы авторов под редакцией Сергея Ходосевича. Летнее время. Июнь 2019 / С. Ходосевич — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969075-3

Первый летний выпуск альманаха группы ВК «Наше оружие — слово» продолжает знакомить своего читателя с творчеством авторов нашей группы. Лето, жара, любовь, природа — основные темы данного выпуска, но в самом начале нам хотелось бы поговорить с вами об основных праздничных событиях июня. И хоть в июне таковых немало, целиком и полностью этот выпуск авторы посвящают своим родным местам, где когда-то родились, и, конечно, матушке России с низким поклоном.

ISBN 978-5-44-969075-3

© Ходосевич С.
© Издательские решения

Содержание

Авторы группы Наше оружие слово к Международному дню Защиты детей	7
Анашкин Сергей	8
Бумажный самолёт	8
Путевка в жизнь!	9
Анищенко Елена	10
Катюшкино утро	10
Бабошкина Ольга	11
Дочка	11
Колыбельная	12
Спящий ангел	13
Тина	14
Валеев Марат	16
Воробышек	16
Будильник	19
Восьмерка	20
Вольхина Светлана	21
Дети цветы жизни	21
Грибалёва Алёна	22
Скоро, первый летний день	22
Детство, это чудо	23
Нестеров Александр	24
Мы сегодня как могли	24
Баюкалка (колыбельная)	25
Сычкова Наталия	26
Хорошо быть бабочкой	26
Халимов Айдар	27
Радмир-рыболов	27
Ходосевич Сергей	28
Детству	28
Про детство	30
Размышления над своей фотографией	31
Цырульник Андрей	35
День Защиты детей	35
Наше оружие-слово- дню России	36
Ходосевич Сергей	37
Слово о русской березе	37
Моя Россия	38
Что мне...	40
Наше оружие- слово дню памяти 22 июня	41
Анашкин Сергей	42
Без вести	42
Гейко Николай	43
Где вы, братцы, боже где вы?	43
Грибалёва Алёна	45
Кабиокова Юлия	46

Раньше в строю ветераны стояли	46
Наша летняя поэзия	47
Анищенко Елена	48
Я возьму на колени пушистый комок	49
О. Генри	50
Июньская ночь	51
О боже, снова мне сдавать экзамен	52
На крыльях бабочек к нам прилетает лето	53
Двадцать лет прошло! Ой, как бегут года!	54
Анашкин Сергей	55
Лунный свет	56
Самогон	57
Сними фотограф	58
Собачья душа	59
Не будите любовь на рассвете	60
Ночной ангел	61
Мои стихи	62
Хочешь, я нарисую картину	63
Вселенная	64
Осень души	65
Кап..кап..кап	66
Здесь тоскливо совсем	67
Не верю я	68
Бессонница	69
Бабошкина Ольга	70
Звёзды в ночи	71
Мой край	72
Орёл	73
Ромашки	74
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Хронометр-10

Издание группы авторов под редакцией Сергея Ходосевича.

Летнее время. Июнь 2019

Редактор Сергей Ходосевич

ISBN 978-5-4496-9075-3 (т. 10)

ISBN 978-5-4493-4412-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Первый летний выпуск альманаха группы ВК Наше оружие-слово продолжает знакомить своего читателя с творчеством авторов нашей группы. Лето, жара, любовь, природа-основные темы данного выпуска, но в самом начале нам хотелось бы поговорить с вами об основных праздничных событиях июня. И хоть в июне таковых немало, целиком и полностью этот выпуск авторы посвящают своим родным местам, где когда то родились и конечно матушке России с низким поклоном.

Авторы группы Наше оружие слово к Международному дню Защиты детей

Анашкин Сергей

Бумажный самолёт

На листке тетрадном в клетку, напишу письмо,
В нём спрошу с бантами Светку-, „Ты пойдёшь в кино!?,
Ловко самолёт бумажный из него сложу
И на крыльях крупно-крупно напишу-я ЖДУ!
Самолёт знакомым курсом тихо полетит.
Ну а где то между клеток Чкалов в нём сидит.
Он над классом лихо-лихо, виражи крутнёт
И посадит виртуозно к Светке самолёт!
Старый наш учитель-физик молча мне кивнёт,
Сам наверное мальчишкой делал самолёт.
Дёрну Светку за косичку, может раза два!
Что б шепнула тихо-тихо только слово, „ДА,,!
...В моей старой лётной куртке, спряталось письмо,
Со смешным вопросом к Светке-, „Ты пойдёшь в кино?,,
Из листка тетради в клетку, старый самолёт,
Свой единственный, сверхдальний завершил полёт!

Путевка в жизнь!

Прощайте горшки и игрушки-
Во взрослую жизнь уйду!
А вы одеяла, подушки
Храните мою теплоту!
Родным воспитателям мало,
Тех слов, что сейчас я скажу:
– Вы многое в садике дали,
Забывать не смогу доброту!
И няне большое спасибо-
Как мама вторая была!
За супчики, кашки, повидло-
Спасибо и вам повара!

Анищенко Елена

Катюшкино утро

Кажется я выпалась. Вот и солнце уже в окно ярко светит. Мамы не видно что-то. Надо вставать.

Дези, а что это у тебя? Косточка? Вкусная? Дай попробовать. Дай мне, жадина!

Фу, гадость какая! На, ешь сама её.

А покажи, что у тебя в ухе? А в другом? Ничего интересного.

А во рту? Только косточка? Жаль.

Ой, Зося! А что это ты с улицы притащила? Мышку?! А почему она не шевелится? Ты её есть будешь? А она вкусная? Ну-ка, дай-ка сюда! Чего-то она сильно шерстяная. Не буду я её пробовать. Можешь забирать, так и быть.

Ой, мама косметичку на столе оставила! Вот здорово! Таак, что тут есть? Ага, флакончик из-под духов. Пустой. Жаль. Здорово пахло, когда я их в суп вылила! Тушь тоже уже кончилась, а новую мама ещё не купила. Крем какой-то. Ффуу, еле открыла. Ммм, как вкусно пахнет, надо попробовать. Тьфу! Тьфууу! Гадость какая! Ооой, как здорово он по полу размазывается! Красиво получилось! А это что? Помада! Новенькая! Тоже вкусно пахнет! Тьфу! Не, тоже невкусно! Что бы такого на двери нарисовать? Маму! Она обрадуется! Красиво получилось! Вырасту – стану художником.

Ой, что-то писать захотелось! Воот мой любимый горшочек. Нет, не буду его пачкать, лучше на пол пописаю. Интересно, а мама по попе не надаёт? Наверное, лучше вытереть. А чем? А, вытру своим платьем, всё равно оно мне не нравится.

Что-то мне кушать захотелось, а мама всё в огороде. Надо звать.

– Аааааа!

Не слышит. Надо погромче. И слёзы, слёзы нужны.

– Ааааа! Ааааа!!!! ААААААА!!!!!!!!!!!!

Бабошкина Ольга

Дочка

А знаешь, дочка, я тебя любила... и люблю... хоть ты, возможно думаешь иначе.
– Всё рвать, так рвать – сказала ты... оставив на краю... уверена была, что не заплачу.
Но гложет душу червь и проникает внутрь,
где мрак и пустота пристанище нашли.
А там ещё живой... росток большой любви... дал всходы... затянулись раны, швы.

Я поняла... отныне всё смогу... остановиться нужно, и детально взвесить,
И никогда не принимать решения на бегу, чтобы потом не куролесить.
И хоть сейчас меня ты не поймёшь... обиды, непощенья застыт сердце.
Но знаю, к осознанию придёшь, что для детей всегда открыта в душу дверца...

Колыбельная

Солнышко лучистое, рыжие кудряшки.
(По небу поплыли белые барашки).
Розовые щёчки, милый ангелочек,
Ты один у мамы, подрастай сыночек.

Ветерок гуляет, ярко звёзды светят,
И в своих кроватках засыпают дети.
Словно принц из сказки, маленькое чудо!
Закрывай- ка глазки, я с тобой побуду.

Спящий ангел

Девочка больная лейкемией
раздавала всем свою любовь.
Помогала каждый день кому-то,
пополняя славный длинный список.
В теле же давно бурлила, разливаясь,
бегая по венам, злая кровь.
И слабея медленно, но верно,
путь казался ей совсем не близок.
Так старалась вовремя успеть,
принести кусочек веры и улыбку,
Ласковое слово, нужный ли совет,
поделиться всем чем только можно.
Чтоб могли судьбу до дна пересмотреть
и исправить вовремя ошибку.
Чтобы слово, что сорвётся с уст людей
не смогло обидеть вдруг... неосторожно.
И однажды с верою в любовь,
девочка несла кусочек сердца,
Так устала, что остановилась от бессилия,
прикрыв свои глаза.
Силы потеряла и изнемогла...
торкнулась, но не открылась дверца.
Жаль... она не донесла кусочек сердца девочке,
которая ждала...

Тина

Маленькая Тина возвращалась домой от своей бабушки. На город опустился вечер и было очень холодно.

Зажглись фонари и на небе засверкали звёзды и стало светло, как днём.

Тина торопилась... мама строго – настрого наказала ей прийти до темноты. Она не заметила маленького белого котёнка, на которого едва не наступила. Он дрожал от холода и жалобно мяукал.

– Бедненький ты мой, прости меня, я так тороплюсь, что чуть не раздавила тебя – извинялась Тина.

– Я возьму тебя с собой, думаю мама не позволит, потому что у нас живёт собака – но стоит попытаться.

И маленькая девочка обняла котёнка и пошла дальше.

Она согревала его своим тельцем, потому что посадила его себе на грудь, под курточку.

Котёнок быстро согрелся и замурлыкал.

Ему было хорошо! Он начал лизать Тину, благодаря её за приют.

– Ой, щекотно, перестань, ой не могуууу...

Тина уже во весь голос смеялась. Они быстро привыкли друг к другу, им было уютно и весело.

Вскоре они дошли до дома и Тина осторожно зашла в квартиру, в которой, кроме неё жили: мама, папа, бабушка, дедушка, старший брат и пёс Ратмир. Собака принадлежала её брату. Это был подарок на день рождения!

Брат Йен очень долго выпрашивал у них такой подарок.

У Тины через два месяца тоже должен быть день рождения! Может родители разрешат ей взять котёнка заранее.

Вообщем-то Тина делала услугу родителям, ведь им тогда не придётся ей ничего покупать.

– Тина, ты уже дома? Почему так поздно? – спросила мама выходя из кухни.

– Мамоchка, прости меня, нужно было помочь бабушке, она что-то приболела немного – объяснила Тина.

– Ну хорошо, раздевайся и на кухню.

Тина не дала матери договорить и достала из-за пазухи белого котёнка.

– Мамоchка, смотри какой красивый! Давай мы его возьмём себе, ведь у меня скоро день рождения! – умоляла маленькая Тина.

Мама, увидев котёнка, схватилась за сердце.

– Отец, иди скорее сюда, ты посмотри кого наша дочь принесла? – причитала мама.

Лин – отец Тины был человеком зависимым от чьего бы то ни было мнения. С женой он соглашался всегда, беспрекословно.

И выслушав её доводы, естественно, с ней согласился.

Что делать маленькой Тине? Она взяла коробку из-под обуви, налила в плошку молока, прихватила свой красивый зонт, и вышла на улицу.

Тина посадила котёнка в коробку, поставила плошку с молоком и решила оставить зонт, чтобы на случай дождя, котёнок оставался сухим. Но она никак не могла уйти. Котёнок смотрел ей в глаза и жалобно мяукал.

– Что же нам с тобой делать? Давай я посижу рядышком немного – говорила котёнку Тина, стараясь его как-то утешить.

Тина запела колыбельную песню, надеясь, что котёнок заснёт.

Она не знала сколько времени так просидела, но проснулась с утра в своей кроватке, а рядом с ней стояла обувная коробка, в которой мирно спал котенок...

Тина улыбнулась новому дню и поблагодарила Господа за всё...

©Ольга Бабошкина

(картинка взята из свободного доступа в интернете)

Валеев Марат

Воробышек

Стояло жаркое, настолько жаркое лето, что босиком по пыльным сельским улицам ходить было невозможно – раскаленный песок обжигал подошвы. Мне тогда было лет семь, моему брату Ринату – около пяти. И вот в один из таких знойных дней мы почему-то вместо того, чтобы отправиться купаться на луговое озеро Красненький Песочек, забрались с ватагой других пацанов на пустынную в эту пору территорию совхозного склада – играть в прятки. А может быть, залезли мы туда уже после купания – точно не помню.

За дырявым забором высились амбары для зерна, комбикормов, бугрились крыши врытых в землю ледников для мяса, хранились поставленные на зиму и нагроможденные друг на друга конные сани, пылились зернопогрузчики с длинными железными шеями-транспортерами, тянулись штабеля дров. Между амбаров и за ними буйствовали заросли чертополоха и конопли, лебеды. В общем, рельеф – самый подходящий для игры в прятки.

Я, как старший брат, всегда старался держать в поле зрения Рината, и потому мы вместе побежали прятаться за весовую. Это такая будка под шиферным навесом перед огромными напольными весами. На них взвешивали целые телеги и бортовые машины с кормами, зерном и прочими полезными грузами, ввозимыми на склад или вывозимыми с него.

А за будкой мы увидели вот что: под стеной одного из семенных амбаров глянцево блестя под лучами белого раскаленного солнца черная и неприятно пахнущая битумная лужа, диаметром примерно метра три-четыре. В центре ее беспорядочно валялись несколько порванных бумажных мешков. Битум находился в них, но они полопались, когда их небрежно свалили здесь еще в прошлом году. Осень, зиму и весну мешки с битумом, который должны были пустить на ремонт кровли прохудившихся амбаров, вели себя прилично. Крыши чинить почему-то никто не торопился, и в жару битум растаял и поплыл из дырявых мешков. Вот и получилась эта парящая под жарким солнцем, дурно пахнущая лужа.

Она бы и дальше себе расплзалась под горячим казахстанским солнцем, если бы мы с братом не увидели в центре это черной лужи отчаянно трепыхающегося и уже хрипло чирикающего воробышка. Ему в ответ галдела целая толпа его сереньких собратьев, сидящих на колючих ветвях растущей рядом акации, а также вприпрыжку бегающих по самому краю битумной лужи. У воробушка прилипли лапки и кончик хвоста. Глупыш, как он туда попал, и зачем? А, вот в чем дело: при более внимательном рассмотрении поверхности коварной лужи можно было увидеть множество прилипших к ней кузнечиков, бабочек и даже одного крупного паука – тарантула. Видимо, воробышек захотел кого-то из них склюнуть, вот и прилип.

Я еще не успел подумать, что же можно сделать для погибающего воробушка, как Ринат что-то крикнул мне и побежал по черной лоснящейся поверхности к трепыхающемуся комочку. Хотя где там – побежал. Он сделал всего несколько шагов, и битум цепко прихватил его за сандалики. Братишка дернулся вперед, назад, потерял равновесие, одна его нога выскочила из сандалики, он упал на бок и испуганно закричал. На нем, как и на мне, были только сатиновые трусишки. Ринат сразу влип в битум одной ногой, боком и откинутой в сторону рукой.

– Ой, мне горячо! – захныкал братишка. – Вытащи меня отсюда!

Я страшно испугался за Рината, но не знал что делать. Взрослых нигде не было видно, а пацаны разбрелись и попрятались по всей большущей территории склада – не забывайте, мы ведь играли в прятки. К стене весовой будки было прислонено несколько широких досок. Я уронил одну из них на землю, притащил к черной луже и подтолкнул один конец к продолжающему плакать брату. Затем прошел по доске к нему и попытался за свободную руку выволотить из плена. Но Ринат прилип намертво. Я дернул его за руку еще раз, другой, и чуть не упал рядом с ним сам. Ринат заревел с новой силой. А перепуганный воробышек, из-за которого мы и влипли в эту историю, напротив, замолчал и лишь часто открывал и закрывал свой клювик.

И тут, на наше счастье, на территорию склада с обеда пришли несколько женщин, работающих на очистке семенных амбаров под прием нового урожая. Они нас увидели, заохали, запричитали. Но не растерялись, а быстро притащили откуда-то несколько лопат. Этими лопатами женщины начали поддевать с краю и сворачивать в рулон (ну, как блин) битумную массу. Подвернув этот чудовищный блин почти впритык к умолкнувшему и во все глаза наблюдающему за собственным спасением братишке, они дружно, в несколько пар рук, вытянули его из битумной массы.

Ринат стоял на твердой земле без сандалий – они остались там, где он только что лежал, – и дрожал, несмотря на жару, а с его правого бока, ноги и руки свисали черные битумные лохмотья и сосульки. Он был так нелеп и смешон в этом виде, что я не выдержал и захихикал. Засмеялись и женщины – но это, скорее, был смех облегчения, – и пошли в свой амбар работать.

– Ну, татарчата, бегите домой! – деланно строго сказала задержавшаяся около нас наша соседка тетя Поля (она тоже работала на складе). – Обрадуйте мамку. А я сейчас попрошу управляющего, чтобы вам подвезли солярку.

– Зачем? – удивился я.

– А как Ринатку-то отмоете? Только соляrkой, – сказала все знающая тетя Поля. – Керосином – оно бы лучше. Да нет его теперь, керосину-то, электричество у всех. Так что и солярка пойдет.

– Ну, пошли домой, – взял я за чистую руку брата, в уме прикидывая, достанется мне за него от матери или нет.

– Не пойду! – вдруг уперся Ринат. – Воробышек там остался.

А ведь верно, про воробышка-то я и забыл. Он молча сидел в скомканной битумной западне уже как-то боком, с полузакрытыми глазками и широко распахнутым клювом. Оказывается, бедолажка прилип к битуму уже и концом одного из крыльев.

– Идите, идите отсюда, он уже не жилец! – прикрикнула на нас тетя Поля. Лучше бы она этого не говорила. Ринат заголосил так, что тетя Поля уронила лопату, а мне заложило уши.

– Спасите воробышка! – в истерике кричал братишка, а из глаз его ручьем текли слезы. – Вытащите его, а то я снова туда лягу!

– Ты посмотри на этого жалельщика! – всплеснула руками тетя Поля. – Сам чуть живой, а за пичужку переживает! Ну ладно, попробую.

Так как битумная лужа уже была скатана с одного конца, до птахи уже можно было дотянуться. Тетя Поля наклонилась над встрепенувшимся и слабо защебетавшим воробышком, осторожно выковыряла его из битума при помощи щепки и протянула его мне:

– Нате вам вашу птицу!

Я завернул обессиленного и перепачканного воробышка в сорванный под забором лист лопуха, и мы пошли домой. Не буду рассказывать, как нас встретила мама. А впрочем, почему бы и не рассказать? Она нас встретила, как и полагается в таких случаях: и плакала, и смеялась, и шлепала нас (чаще, конечно меня), и целовала (а это уже чаще Рината).

Потом она поставила братишку в цинковое корыто и стала оттирать его, хныкающего, жесткой мочалкой, смоченной в солярке. И солярка стекала по нему на дно корыта уже темная от растворенного битума, а Ринат с каждой минутой становился все чище и чище. А на подоконнике, в картонной коробочке с блюдцем с водой и крошенным хлебом, дремал чисто отмытый сначала в керосине (для него все же нашли чуть-чуть), потом в теплой воде воробышек. Ринат не соглашался на солярочную процедуру до тех пор, пока мама первым не привела в порядок спасенного воробья.

Срочно вызванный с работы папа растапливал баньку. Он носил туда ведрами воду, подносил из поленницы дрова, при этом что-то бормоча себе под нос и удивленно покачивая головой – мама ему все рассказала.

Через пару дней наш воробышек совсем ожил и был выпущен на волю.

Во двор его вынес, осторожно держа в горсти, Ринат. Он поцеловал птичку в светло-коричневую головку и разжал ладонь. Воробышек взмахнул крылышками, взлетел на верхушку клена в палисаднике, и громко зачирикал оттуда. Может быть, он благодарил нас на своем воробыином языке за его спасение?

Довольные, мы побежали с братом купаться на заросшее вдоль берегов зеленым камышом любимое озеро. Там уже с утра самозабвенно плескались в теплой парной воде наши друзья, и их счастливые визг, крики и смех разносились очень далеко окрест. А впереди у нас было еще много таких безмятежных дней и всевозможных приключений...

Будильник

Кешка вечером сидел у себя в комнате и рисовал. И тут зазвонил телефон.

Кешка взял трубку и важно сказал:

– Ал-лë! Вас слушают!

– Кешка! – закричала трубка Вовкиным голосом. – У тебя есть будильник?

– Ну есть, – сказал Кешка.

– А работает?

– Ну, – сказал Кешка.

– А у нас сломался, – сообщил Вовка.

– Ну и что? – зевнул Кешка.

– А я на рыбалку собрался, – уточнил Вовка. – Пошли со мной, а?

– Иди сам, – великодушно разрешил ему Кешка. – Я лучше посплю.

– Ну ладно, не хочешь идти со мной, тогда позвони мне в шесть утра.

– Это как? – не понял Кешка. – Я же спать буду.

– А будильник у тебя на что?

– Ты, ты, это... как его, – не находил слов от возмущения Кешка. – Что ли, своих родителей не можешь попросить, чтобы разбудили?

– Ну, завтра же воскресенье, они сказали, что хотят выспаться.

– А я, по-твоему, не хочу, да? Гад ты, Вовка! – оскорбленно сказал Кешка. – Иди ты... на рыбалку в понедельник!

– Нет, на понедельник у меня другие планы.

– А может, ты попросишь разбудить тебя кого-нибудь другого? Генку вон Комарицина. Или Юльку Забелину...

– Генка с родителями в гости в город к своим родственникам уехал, еще позавчера. А с Юлькой мы не разговариваем, сам же знаешь.

– Ладно, позвоню, – сдался Кешка.

Он долго ворочался, пытаясь и одновременно боясь заснуть: а вдруг как не расслышит звонок будильника? И вдруг его осенило: да надо просто отдать будильник Вовке! Пусть сам себя будит! Тем более что он живет по соседству!

И Кешка потихоньку, на цыпочках, чтобы не слышали спящие родители, прокрался с будильником под мышкой к двери, и как был босиком, побежал по лестнице вниз, на первый этаж, где жил его дружан Вовка.

– Кого там среди ночи носит? – неприятливо спросил из-за двери сонным голосом Вовкин отец.

– Дядя Коля, это я, Кешка! Позовите, пожалуйста, Вовку!

– Кешка? – удивился дядя Коля, открывая дверь. – Зачем тебе Вовка? Он дрыхнет уже давно. Да и тебе надо спать, а не шастать босиком.

– Да я ненадолго... Мне Вовка нужен... Он же на рыбалку завтра собрался... – сбивчиво заговорил Кешка. – Просил меня разбудить утром. А я вот ему будильник принес. Передайте, пожалуйста.

– Чего ты ему принес? – с недоумением переспросил дядя Коля, взяв протянутый Кешкой будильник.

Но Кешка уже летел по лестнице к себе домой – спать, спать! Он свое дело сделал – Вовка, как и просил, теперь уж точно не проспит на рыбалку!

Восьмерка

У нас впервые на троих братьев появился настоящий двухколесный велосипед! И пусть он был не совсем новый, местами даже потертый и облупившийся («Орленок», если не ошибаюсь), отцу его продал наш сосед дядя Яша Таскаев, купивший своему подростковому сыну Николаю уже взрослый велосипед).

Это историческое событие произошло жарким июльским днем тысячадевятсотшестидесят-какого-то года, точно не помню. Мне было лет десять, следующему за мной брату Ринату – семь, ну и Рашитке четыре (а ты, Роза, помалкивай – тебя еще не было!).

Конечно же, этот выдавший виды подростковый «лисапет» был оседлан в тот же день по старшинству. Я уже умел ездить «под рамкой» на взрослой машине, так что мне ничего не стоило с шиком проехать от дома до спуска к лугам и вернуться обратно, задорно дилинкая блестящим звонком и шурша по укатанной дороге туго накачанными шинами.

Меня уже поджидал нетерпеливо переминающийся с ноги на ногу Ринат, а за его спиной подпрыгивал на месте Рашит и нудно бубнил:

– Я тоже поеду, я тоже поеду!

Но Ринат уже схватился за руль подъезжающего велосипеда и чуть не уронил меня. Контролирующий эти пробные заезды отец посадил брата на сиденье и подтолкнул его:

– Ну, давай, сына, не подкачай!

Ринат выпучил глаза и старательно завращал педалями, вихляясь всем телом. Руль он при этом держал цепко и все время прямо. Слишком прямо! На него надвигался столб, стоящий у углового бревенчатого дома с кудрявыми кленами в палисаднике. Не знаю, жив ли сейчас этот старый казачий дом, а раньше в нем жил дед Лукаш.

– Столб! – закричал сзади отец.

– Столб! – заорал я и погнался за Ринатом.

– Ай, стооооолб! – заверещал Ринат, продолжая крутить педали и держа руль прямо. По его напряженной спине можно было понять, что он хочет свернуть. Но – не может, и бросить крутить педали не может, вот такая оказия!

– Ааааййй! – снова отчаянно закричал Ринат и на полном ходу врезался в столб. Плышало тупой удар, лязг, звон и мягкий шлепок свалившегося тела.

Отец догнал меня и мы вместе прибежали к месту ДТП. Ринат, запыленный, с всклоченным чубчиком, уже сам вставал с земли и держался рукой за лоб.

– Ну-ка! – сказал папка, отнимая его ладошку ото лба. Я прыснул – на лбу у Рината тут же вздулась большая багровая шишка.

– Болит? – участливо спросил отец.

– Неа, – отважно сказал Ринатка. И тут его взгляд упал на валяющийся у столба велик. Я тоже посмотрел на него и присвистнул. Переднее колесо изогнулось в чудовищной восьмерке.

– Ой, болит! – тут же захныкал Ринат, предчувствуя трепку за испорченный велосипед.

– А я когда поеду-ууу?! – кричал на ходу и семенил к нам Рашит.

– Все, – сказал папка. – Отъездились! Надо новое колесо искать, это уже не сделать...

Новое колесо взамен искривленному он так и не нашел, и «Орленок» так и валялся у нас где-то на задах двора, пока папка не раздобыл нам через несколько лет другой велосипед. Уже взрослый. Но и мы к тому времени уже подросли, так что катались на нем без проблем (Рашит, правда, все же пока еще под рамкой). И даже появившуюся к тому времени Розку на нем катали. Но только около двора и под присмотром мамы. Она ту шишку Рината запомнила надолго.

Вольхина Светлана

Дети цветы жизни

Дети цветы жизни
Раз цветочек, два цветочек
А, в конечности букет.
Много, много, ярких точек-
Детства нашего портрет.
Никогда мы не забудем
Искренний, весёлый смех,
Колокольчиком звенящий
И сулящий всем успех.
Детских, озорных гримасок,
Нежных, пробивных вихров.
И не хватит в жизни красок
И не хватит даже слов,
Чтоб, явить нам образ детства
Неизменный и живой,
Незлобливое кокетства,
Энергичный, молодой.
Раз шажочек, два шажочек-
Ходит милый карапуз,
Улыбается курносо
И от счастья я смеюсь!

Грибалёва Алёна

Скоро, первый летний день

Скоро, первый летний день.
А с ним и очень светлый праздник —
День защиты, всех детей.
Он был создан в прошлом веке —
Для обездоленных детей.
С тех пор, мы мы летом отмечаем,
День защиты всех детей.
Миру дарит этот праздник-
Самый первый летний день

Детство, это чудо

Детство, это чудо —
Что богом, нам дано.
Детство, это сказки,
мульттики, кино.
Детство, это школа,
игры во дворе
Все минуты счастья:
– Мы храним в себе.
Ведь с детства начинаем:
– Мы жизни на земле
Грибаева

Нестеров Александр

Мы сегодня как могли

Мы сегодня как могли,
Маме с папой «помогли»:
Раскидали все игрушки,
Разорвали две подушки.

Но на этом не устали —
Бить посуду дружно стали.
Вот была же канонада —
Фейерверк после парада.

К нам пришёл соседский Вовка,
У него в руках винтовка.
Он стреляет — мы лежим,
Заряжает — мы бежим.

Ну и весело нам было!
Мама тихи дверь открыла.
Увидав такой разбой,
Закатила мордобой.

Всем нам здорово досталось,
Память лишь о том осталась.
Маму мы смогли понять,
Было не на что пенять.

Баюкалка (колыбельная)

Баю, баюшки, баю,
Не ложися на краю,
Медвежонок придёт Сеня
За малиновым вареньем.

Заберёт варенье в лес
Там в лесу полно чудес,
А тебе голодным быть,
Чай ведь не с чем будет пить.

Баю, баюшки, баю
Спи сейчас же говорю,
Если ты не будешь спать,
Сеню в гости буду звать.

Медвежонок зарычит
И ногами застучит,
Быстро глазки закрывай
И скорее засыпай.

Сычкова Наталия

Хорошо быть бабочкой

Хорошо быть бабочкой-
По цветам порхать,
Хорошо быть гусеницей-
Листочки поедать.
Хорошо и пчелкой быть —
Собирать нектар,
Только бы ни кто
не раздавил и не поймал.
Хорошо быть птичкой,
Хорошо зверьком,
А земля для них большой,
уютный, светлый дом.
Ну, а раз я человек-
Мне этот мир хранить,
Чтобы вместе мы могли
В этом мире жить.
Наталия Сычкова
Фото Наталии Сычковой

Халимов Айдар

Радмир-рыболов

Любит наш Радмир рыбалку,
С папой ездит каждый раз.
Не нужна ему шпаргалка,
Рыбу ловит он, смеясь.

Червяка конечно папа
Садит на крючок пока.
Но зато совсем неслабо
Держит удочку рука.

Он умело подсекает,
Рыбам шанса не даёт.
И как будто бы играет:
Глянешь, там и впрямь клюёт.

Рыбу достаёт неспешно,
Лишь бы леску не порвать.
И кладёт в ведро небрежно,
Стало их аж двадцать пять.

Карасей сегодня много
Наловил Радмир-рыбак.
И нужна теперь подмога:
Тяжкий груз ведь как-никак.

Хвалят сына мама с папой,
Вот рыбалка удалась!..
День уходит тихой сапой,
Но его мечта сбылась!

Ходосевич Сергей

Детству

Особый мир,
какие б не царили моды-
Улыбок светлых пир,
Любви под солнцем-
детства годы!
Когда сто тысяч» почему?»
И как вести себя советы,
Похожи на веселую игру,
Вопросы, где
со скоростью ракеты,
Наш взрослых,
атакуют мозг,
Что их пытливости-
поёт сонеты.
В них видя
продолжения себя,
Сияньем глаз их,
озаренны светом,
За шалости немножечко журя,
Им дарим сердце,
Что ликует кастаньетом.
Особый мир,
в любую непогоду.,
Когда их смех- ориентир,
Любую выдержать невзгоду,
Где каждый день,
Как новый шаг,
Не знающих в огромных реках
броду.,
В забавах, играх- новая ступень,
Где в сказку добрую
поверят сходу
И снам цветным,
увы, не лень,
В мир радуги,
их снаряжать в походы.
Цветы!
Цветы всей нашей жизни навсегда!
А мы -их счастья агрономы!,
Детей ведь не любить нельзя,
Что мира грешного,
забавнейшие гномы!

Как губка, что впитают вся,
Им «вводное» ошибок наших
слово...

Про детство

Сказка добрая, игрушка и подушка,
Песня мамы перед сном
и на завтрак- сладкая
ватрушка.
Улица, песочница, качели,
Тонкий и прозрачный мир,
будто в красках акварели.
Детства мир, тепло и ласки,
Где на этот странный мир,
с удивленьем смотрят глазки.
Мульттики, пломбир, ириски,
Мяч большой
и стульчик низкий.
Куклы, кубики, раскраски,
И добро, и мира зло,
что еще без всякой маски..
Время лучшее,
года,
Не вернуть, что никогда!
Мамы, папы- праздник этот,
берегите свято чтя!
Пусть улыбками всех деток,
в счастье светится Земля!

Размышления над своей фотографией

Билет в детство? Да нет, пожалуй машина времени еще не изобретена, а кроме, как на ней туда отпоавится не на чем. Ну, а разве моя память не хранит воспоминания тех счастливых лет?

Память- это исторический музей в твоей голове. Надо только напрячь свои мысли и откроется нужный зал экспонатов.

Из всего детства почему то самые яркие воспоминания об удивительном лете, которому предшествовал мой первый учебный год. Смотрю как раз на свою фотографию этого периода и умиляюсь. Так и хочется воскликнуть: Привет, ботан! Сейчас побежишь, сломя голову, в овраг учиться плавать в пруду с пиявками и ловить бабочек? Последнее тебе очень хорошо удавалось и это умение пригодилось тебе в жизни. Какую бабочку, тебе удастся поймать незадолго до того, как разменять третий десяток твоей жизни! Как она будет верна тебе и какие чудя появятся на свет из ее коконов.

Но впрочем я отвлекся. Давай вернемся к оврагу.

Удивительно, но пологий и длинный спуск по широкой тропинке в овраг-тогда еще ребёнка для тебя был сродни переходу в другой таинственный мир. После спуска надо было перешагнуть или перепрыгнуть через бурлящий ручеек и резко подниматься по узкой утоптанной дорожке, где с одной стороны мешалась проволока-ограждение огородов, а с другой стороны заросли гигантского лопуха и жгучей крапивы. Внизу был первый из трех прудов, высохший, замусоренный и зловонно пахнувший тинной. Крутые спуски другой стороны оврага-городская свалка. Подъезжавшие самосвалы за день выкидывали тонны мусора. где его тут же закапывали работающие все 24 часа эскаваторы.

Это была изнанка-темная сторона, но стоило с дорожки подняться на холм и спуститься как ты оказывался в чудо-раю. Примятая трава на которой лежали на одеялах десятки людей, мутноватый пруд с очень теплой водой, а сзади огороды. На другом берегу заброшенные сады колхоза «Красный огородник» с кислой антоновкой, что уже стала дикорастущей, черешня, груши, а левее в ложине многочисленные кусты смородины и крыжовника. Ну что еще надо для детского счастья? Разве что посиделок со старшеклассниками у костра у третьего малого прудика, где можно послушать рассказы о всяких нечистях оврага и половить сачком тритонов.

Наш овраг был круче любого загорода, именно поэтому летний отдых в Москве ты предпочитал поездке в деревню. Здесь разве что не хватало клубники, но зато у хозяев огородов можно было раздобыть семечек в головке большого солнышка-подсолнуха и початок кукурузы и все это совсем недалеко от центра столицы.

Первые победы и первые поражения- это все овраг, которого давно уже нет.

Утомлённый приключениями и жарким солнцем ты возвращался домой, обязательно заглянув в голубятню соседа- пенсионера Николая Андреевича и бежал домой, на шестой этаж обычной московской коммуналки, где твоей любимой игрушкой был только что проведенный телефон.

Удобно сев возле него в мягкое кресло в коридоре и всматриваясь в номера, что были записаны прямо на обоях, озираясь с опаской на снующих вокруг тебя взрослых, начинал свою игру.

Набирая комбинацию цифр и дожидаясь ответа на другом конце провода умоляющим, детским голоском просил не вещать трубку и рассказать какую-нибудь сказку.

Было весело! Пока, ты, не позвонил в диспетчерскую ЖЭКа и не заявил, что в квартире потоп и тебе срочно нужна лодка...

Сказку, но не тебе, а родителям пришел оассказать участковый! Ох, помнится и попало тебе! И выполняя обещание не подходить близко к телефону, ты переключился на письма. Писал тете Вале с Ерошкой и Филей, писал свои истории в «Пионерскую зорьку» на радио и помнится президенту Америки, убеждая того, что негры тоже люди. Перед тем, как отправить последнее послание помнится, ты спрятал его в тазике, что висел на огромном гвоздище в туалете и его нашла старуха Волкова, что потом целый день умирала от смеха.

Наши соседи- отдельный разговор.

Твоими любимыми соседями была семья Лаврухиных. Мать Анна- буфетчица на водных лайнерах дальнего сведения и взрослая дочь Инна. Помню, как всей квартирой провожали её в плавание и втискивались с её баулами в битком набитый 49 трамвай и ехали на её базу, что была между фабрикой Фрунзе и детским парком имени Калинина. Тебя всегда забавляла любая поездка за пределы Каширки, а в этих, подражая взрослым огорчаться расставанию, радоваться встречам., ты был лучшим, проливая горькие слезы или прыгая, как резиновый мячик, чтобы первым поцеловать при встрече.

Дочь Анны Инна, как бы сказали сегодня изящная, длинноногая фотомоделль, слегка склонная к полноте. Она работала парикмахершой в каком то модном салоне в центре и видимо была, как говорили предки и Аркадий Райкин-уважаемым человеком. Дефицитные продукты-подарки клиентов- не исчезали с ее стола. У тебя это вызывало восторг и поэтому иногда, просыпаясь раньше взрослых, спешил в её комнату на чашечку утреннего кофе с какой нибудь вкусняшкой...

Да, коммуналка эпохи СССР-мир, что невозможно забыть, здесь как в сказке-есть добрые герои, волшебники, а есть злыдни и даже ведьма. Ведьмой все в нашей квартире звали ту самую бабку Волкову. С родословной из каких то графьёв и весьма сварливый характер, рассказами о своих предках в ненужных местах, что портили партийную карьеру своему сыну -учёному, и внуку-отличнику института, название которого для тебя было непроизносимо. Бабушка-божий одуванчик, кичилась своим происхождением и вела со всеми себя надменно. Разменяв восьмой десяток и поцапавшись с моей бабулей, в канун своего дня рожденья, по поводу очередности уборки в местах общего пользования, то ли поехав умом, то ли в целях самозащиты назвалась потомственной колдуньей. С тех пор в нашей квартире стали твориться весьма странные вещи. То тут, то там около нашей двери возникали рисованные знаки, то когда ты гонял на трехколёсном велосипеде по длинному широкому коридору неожиданно взрывалась лампочка. Ах, если б все знали, как ты боялся темноты! Наверное поэтому и решил заняться фотографией, чтобы воспитать в себе характер и сделать темноту другом.

Однажды колдунья не поделив с соседями камфорки плиты на глазах у всех заставила закипеть воду и сварила яйца на обычном кухонном столе... терпение её сына лопнуло и он

быстро нашёл обмен. В ряды коммуналки влились дядя Коля и Санёк Вырковы. Дядя Коля-тихий алкаш, пятый год, плакавший над портретом умершей жены, а Санёк -десятиклассник и киноман... Кино он предпочитал после школы, вместо школы и в выходной. А потом он важно сажился на свой табурет у столика с телефоном напротив туалета с ванной перед входной дверью на кухню и начинал рассказывать...

Слово в слово, с диалогами, копируя голоса актёров. На подобное шоу собирались все обитатели квартиры, послушать рассказчика с открытым ртом. Ты сдружился с Александром, не смотря на разницу в возрасте. Оказалось, что с книгами у Саньки дела обстояли так же, как и с кино. И ты пользовался этим-просил рассказывать взрослые книги, с удовольствием слушая это театр одного актёра Но в августе, когда тебе выписали очки от близорукости и твой взрослый друг, еще и обучавший тебя приёмам самбо рассмеялся и назвал – профессором. Обида была мгновенной и недолгой. Два дня дулся на Сашку, а когда решил мериться, его забрали в армию. И ты начал с гордостью строчить ему письма на Тихоокеанский флот.

В тот день, когда было получено первое ответное письмо радости за два дня до школы добавил подарок деда.

Новенький полуавтомат, серьезная в то время модель фотоаппарата» Зоркий-10», которая перевернула твоё представление об этом мире. Бегая с ним по родному Хлебозаводскому проезду, вдыхая аромат свежеевыпеченного хлеба с завода номер семь и снимая все подряд, ты наконец понял, как этот мир многогранен и что фотография- великая вещь, заставляющая остановиться время, чтобы через несколько десятков лет напомнить потомкам о том, чего может и не останется в другой жизни.

Твоя добрая Москва-семидесятых! Город широкоформатного кино, тувель лодочек, мини-мини-юбок, мужских стрижек полубокс и молодёжная, самый читающий город мира и город сентиментальных киноманов и всезнающих театралов.

Город-река с вечно спешашей толпой, город очередей, автоматов с газированной водой, город самого вкусного мороженого и пива с квасом на каждом углу... Совсем недалеко от трамвайной остановки Развилка вдоль проезжей части, ведущей к самому хлебозаводу, напротив стоянки такси было многолюдное местечко, что ты называл-«полезным», а народ в округе-" библиотекой». Небольшой пустырь, где в ряд стояли киоски Союзпечати и мороженого и два ларька -пивной и квасной. Пивной с бесплатными солёными сушками и квасной, где если повезёт, то перепадёт ириска на сдачу вместо одной копейки.

Такое странное соседство павильонов мало кого смущало, правда местечко было не очень спокойным. Постоянная ругань с Клавой, требующих отстоя пива и драки -картина постоянная. Любители выпить погорячее ловили здесь третьего, с которым гордо и торжественно шествовали в» серый» продмаг, который был обожаем тобою из за молочного коктейля в отделе Соки и шоколадных плавленых сырков...

Надо сказать, что район был истинно рабочим, но не очень спокойным. Да-да! Криминал был и при Союзе! Но больше помнится доброе и хорошее!

Много воды, Сережка, утекло с того времени!

Ты, малыш, даже представить не можешь, но сегодня никто не фанатеет по маске Джерри Чиверса, а наши хоккейные звезды играют за клубы НХЛ. Никто не слушает днями напролет» Черного кота», а пластинки стали раритетами только для коллекционеров. Нынешняя фото-

графия, давно не таинство, творимое при красном фонаре, а устройство, что есть у каждого в мобильном телефоне, для которого не нужно никаких проводов и он гораздо тоньше куска хлеба, как любила резать Анна из коммуналки. Да и коммуналок совсем не осталось. Москва изменилась до не узнаваемости, заметно похорошев с тех времен.

Мир стал лучше и красивей. Вот только добра в нем стало меньше.

Я бы многое мог тебе рассказать о таком, что тебе даже и не снилось. Но боюсь, что ты не правильно поймешь или в своей буйной фантазии напредставляешь такого, что бабушка поведет тебя к врачу, после того, как поведешь ей картинки из будущего. Оставайся там, в своем времени и наслаждайся прекрасными годами, в празднике детства, в огромной стране, которой теперь нет на карте мира.

Смотри телевизор поменьше, Серёжка. Он плохо на тебя влияет!

И не ворчи на деда, когда тот слушает по радио различные» Голоса» ... Америки, Стокгольма или Немецкую волну! Сегодня от наших дикторов по нашим каналам, числа которых не сосчитать можно услышать и что то похлеще! Да, и телевизор сейчас смотрят немногие! Интернет, компьютер- вот, что теперь все, что заменило и подвижные игры, и новости, и кино, и друзей, и даже магазины. Как говорят, весь мир в твоём кармане и не надо не куда бежать и отрываться от дивана. Если бы не работа, то многие так бы и сидели сутками возле него. Но мне. повезло больше, чем другим, я хочу на работу, чтобы посидеть у этой штуковины.

Во, сын мне что то» В Контакте» пишет. Ладно, свидимся в моей памяти. Пора возвращаться в реальность. Конец воспоминаниям. Пора проблемы решать. А то работа стоит!

Цырульник Андрей

День Защиты детей

Постучавшись, вошло голосистое лето —
С буйной зеленью трав, солнцем, гомоном птиц,
С грозowymi дождями, – июнь же ведь это! —
Ах, ребячьих – то сколь восхитительных лиц!?

Шаловливые, славные детские лица,
Дай же, Боже, у них чтоб сбывались мечты, —
И провинция, и, безусловно, столица
В день Защиты Детей – все полны суеты:

Интервью, репортажи, концерты, конечно... —
Радуйте же людей, «будущего цветы»!
Время детства, оно же ведь так скоротечно,
Далее – юность, зрелость: дороги, мосты...

Жаль, не всё сохраняет ведь память людская, —
Из цепи выпадает звено за звеном.
Детство... Матери руки, что, нежно лаская,
Убаюкивают всё, – уж ночь за окном...

Первый раз – в первый класс! – Как давно это было:
И «в косую» тетрадь, и красивый пенал,
И спортивный турнир: урра!.., судей – на мыло!..,
И любовь, о которой никто не узнал... —

Детство всё... – повзрослев, иногда возвратиться
Хочется так туда, но, увы: Красный свет, —
Хода нет, – семафор продолжает светиться... —
Опять лето, июнь, – всем – всем детям – привет!

Наше оружие-слово- дню России

Ходосевич Сергей

Слово о русской березе

В тихом шелесте березок,
голос слышится любви,
Что растут возле избенок
И душой, как не криви,
Лист, сердечко,
что людское,
Бьется, что у нас в груди,
Небесам так по простому,
Каждый песнь поет мечты.
Ветви, кудри- девки красной,
Белый ствол, как нежный стан.
Без греха и беспристрастна,
В красоте, чей есть- талант.
Образ милый всей России,
Лады помнящий привет,
Той славянской свет- богини,
Женщин милых оберег.
По весне, все льющей слезы,
Чтоб очистилась душа
И из женской доли грозы,
Все ушли бы навсегда!
Ах, берёзонька, береза,
Чисто русская краса!
Что на Троицу, как розу,
Чтут святейшую, любя!

Моя Россия

Россия-предков наших слава,
Народов мирных славная семья.
В веках свое мы доказали право,
Что в доблести побед великих,
есть наша верная стезя!
Свой крест нести и злу сопротивляться,
Лесов дремучих, топей не бояться
И с разной нечистой земли
за мир на всей земле сражаться!
С времен древнейших княжичей Руси
нам Богом писано-
быть крепкую Державой,
Страной берёз, ромашек, васильков
И быть страной храбрости Иванов!
От моря Черного до северных широт
и до Камчатских до окраин-
России славу стерегут
макушки золотые храмов!
Льды Арктики, седой Урал
,Сибирь и дальняя Камчатка,
солдату русскому за жизнь свою
с молитвой гимн поют,
Цветы к огню кидая на брусчатку!
Моя Россия-Пушкина страна,
Есениным Серегою воспета-
Есть у нее и воля и душа,
Любовью женскою, которые согреты...
Моя Россия-необъятный край,
Что лени лишь менталитетной
не тянет на цветущий рай,
Но лиха лучше не будите!
Все меч, несущие поймите...
На Русь пришедши воевать,
Сплоченности ее и духа,
вам все равно не устоять!
Москва-река, Ока и Волга,
Байкал, Елена, Енисей-
Ты их умом пойми сначала
И в гордую гулять отправься Тверь...
Моя Россия изначально
для всех врагов своих кремень!
Санкт-Петербург, Саратов, Тула
и многоликая Казань,
Владивосток, Москва и Севастополь,
старушка древняя Рязань-
Названья эти, что иконы!

**За здоровье которых на колени
перед Всевышним всякий встань!**

Что мне...

Что мне земля, седьмая часть,
что суши...
Тайги бескрайней, где есть глуши,
Ромашковых полей простор,
И в средней полосе березок
с мальчишкой – ветром
разговор
И тополей с их пухом белым
с сосной седую вечный спор,
Хлебов волнуются поля, как реки,
С дорожкой клевера,
из рая, что узор...
За полем же вдали есть деревенька,
Оттуда льется колокольный звон
И васильков живет семейка,
Возле оврага за ручьем,
Большой реки, где малые притоки,
Тихонько бьются о мосты,
России-матушки взбирают соки
На огородах разные плоды,
О чем поет соловушка- маэстро,
неистово,
на разные лады,
Где уронить слезу не стыдно
от этой чистой красоты...

Наше оружие- слово дню памяти 22 июня

Анашкин Сергей

Без вести

Моё фото не будет в Бессмертном полку,
Не поднимут его мои внуки.
Я пропал без вестей в сорок первом году,
В городишке Великие Луки.
Нас загнали фашисты в болота, леса-
Одуревших от ужаса бойни.
А трясина тащила, закрыв небеса,
В своё чрево из булькавшей вони.
Стыла кровь от звериного воя вокруг-
В нас давно человечье убили.
И сходился один за одним мутный круг,
В нашей братской бездонной могиле.
Летом солнечным в Бресте погибла семья.
Вместо дома-пустая воронка.
Не узнаю об этом, не скажут друзья.
И в мой дом не придёт похоронка.
А в Бессмертном полку и не вспомнят меня,
Я пропал в сорок первом без вести.
Не осталось и фото моё. А родня,
Не помянет меня честь по чести.

Гейко Николай

*Бились мы за родину,
За чужой покой.
(посвящается ветеранам интернационалистам)*

Где вы, братцы, боже где вы?

Где вы, братцы, боже где вы?
Почему не слышно вас...
Может под крылом у девы,
божьей матери сейчас.
Я не слышу автоматов,
лязга выплюнутых пуль.
Разорвалась близ граната.
Звон в ушах поднялась пыль
В этом звоне я услышал,
голос милый и родной.
Ты стояла и смотрела,
мне махала ты рукой.
Рожь высокую под солнцем,
Ветер море колыхал;
А рука сжимала сланец,
Острый сердцу он кинжал.
Пелена как сон слетела,
И рассеялись в дали,
Образ твой и голос мило,
Что – то тихо прошептал.
– «Сколько в жизни ошибался
И по лезвию ходил.
Не однажды – заблуждался
– Эх ты! – Гена крокодил».
Свято верил командирам.
В их оправданную ложь.
И в шинелях и в мундирах,
В каждом слове мудрость, мощь.
Но средь гор лежу я камнем,
серой глыбой в тишине.
Был России псом я верным,
На чужой земле.
Если можно как рубаху.
Тело взять и залатать.
Залатайте душу братцы,
Чтоб её обнять;
Я мечту свою глазастую,
С цветом лета на руках,
Пышную, да распрекрасную,

Вспоминаю в смертный час.
Вот и кончен век короткий.
Силы покидают в раз...
Ангел или демон мерзкий?
Ждут уже сейчас.
Тем кто выжил и вернулся.
В мирной жизни не легко.
Нервы в срыве звонко рвутся.
Добивает их покой.
Судьбам искалеченным,
Дома не найти покой.
Бой ночами длинными,
Снится, в тишине ночной.
Бились мы за родину —
За чужой покой.
Нас тихо ненавидели,
Скалясь за спиной.
Гейко

Грибалёва Алёна

День памяти и скорби,
Летом есть у нас.
Когда в миг на рассвете
Война вдруг началась.
Когда вдруг самолёты,
Начали стрелять.
И с неба, людей мирных —
Жестоко убивать.
Стали пулей, бомбой-
Их жизни забирать..
Заставив этим, близких,
Плакать и страдать.
О них нам остаётся,
Скорбить и вспоминать.

Кабиокова Юлия

Раньше в строю ветераны стояли

Раньше в строю ветераны стояли,
Шли их тогда боевые полки,
День Великой Победы вместе встречали
На площади сельской воины-старики.
Нынче их нет, ушли одиночно
В место откуда возвращения нет,
В этой истории оставили прочно
От воспоминаний доблестный след.
Помнят о них в городах и деревнях,
В день тот священный, молча, идут
Славных потомки тех поколений,
Что нам приблизили Победу в бою.
Время пройдёт, и только память оставит
Лица, рассказы о той страшной войне,
Лишь в фотографиях ветераны остались,
Дружно стоявшие в тот год по весне...

Наша летняя поэзия

Анищенко Елена

<https://vk.com/id449369026>

Я возьму на колени пушистый комок

Я возьму на колени пушистый комок,
Почешу беззащитное пузико.
Замурлычет он звонко. В мире, полном тревог,
Не услышать мне лучшей музыки,

Что звучит заполняя в душе пустоту,
Прогоняя тоску запредельную,
Чтоб могла поселить вместо них я мечту,
Чтобы в лучшее завтра поверила.

Как пришелец из космоса прячет в глазах
Тайны нашего мироздания.
Жаль не может, что знает, мне рассказать
Мягколапое это создание.

О. Генри

Раскрою сборник на любой странице,
И наугад читать начну рассказ.
Любимых персонажей снова лица
Представлю я себе в который раз!
«Пимьентских блинчиков» раздразнят ароматы,
Схожу на кухню перед сном покушать.
А боль в лодыжке, сломанной когда-то,
Понять заставит «Родственные души».
«Вождь краснокожих» мне напомнит детство,
Проказы и на речке пикники,
В «войнушку» игры во дворе соседском.
Увы, уже те годы далеки!
«Дары волхвов» наполнят душу грустью.
«Последний лист» царапнет сердце мне.
Перечитаю «Из любви к искусству».
С О. Генри пообщаюсь в тишине.
Благодарю тебя, великий Мастер,
Что Добродетель возводя на пьедестал,
Всплакнуть нас заставляя и смеяться,
Суровым ментором ни для кого не стал.

Июньская ночь

Седая ива что-то шепчет у забора.
Бормочет горlinkка ей в лад невдалеке.
Осина тонкая, привычно с ветром споря,
Полощет листьев глянец в лунном молоке.
Комар надрывно тянет ноту за оконцем,
Тоскуя по домашнему теплу.
Тяжёлый шершень монотонно бьётся
По призрачно-прозрачному стеклу.
Хор лягушачий на пруду рокошет.
Привычных звуков колыбельная слышна.
А в небе тёмном пляшет и хохочет,
Мне спать мешая, наглая луна.
Теснятся мысли в хороводе друг за другом,
Пытаясь что-то важное сказать.
А ночь июньская – наперсница, подруга —
На ушко нежно шепчет:
«Спать...
Спать...
Спать...»

О боже, снова мне сдавать экзамен

О боже, снова мне сдавать экзамен.
Перед дверьми стою, дрожу, потею.
Ребята вы идите, я за вами.
Прочесть попробую ещё по теме.
Зачем меня втолкнули в кабинет вы?!
Сейчас умру! Во цвете лет погибну!
Зачем суете пачку веером билеты?
Да нет мне смысла делать из них выбор!
Сажу за партой и прочесть пытаюсь,
Что за вопрос подсунут мне судьбою.
Уж лучше б я за Петьку вышла замуж!
Сидела бы за ним, как за стеною!
Не то что слов, я букв не понимаю.
Как вопль звериный, исторгаю стон!
Звенит звонок. Глаза я открываю.
Какое счастье – это
просто

На крыльях бабочек к нам прилетает лето

На крыльях бабочек к нам прилетает лето,
Порхает в легкомысленном наряде:
В жасмина аромат и в васильки одето,
Нас искушая, шепчет: «Счастье рядом.»
И мнится нам, как будто за спиною
Вдруг расцветают радужные крылья,
Уносят в вихри неба голубого,
Печалей прошлых отряхнув бессилье.
Когда на тишину июньской ночи,
Туман ложится шёлковой куделью,
Когда лишь хор кузнечиков стрекочет,
Бессонница садится у постели,
Помахивая веером мечтаний,
Воспоминаний нежных о прошедшем,
Внушает нам неясные желанья.
И бьётся сердце в ритме сумасшедшем.

Двадцать лет прошло! Ой, как бегут года!

Двадцать лет прошло! Ой, как бегут года!
Столько помнится, а позабылось сколько!
Только в памяти осталась навсегда
Встреча первая, как кадры киноплёнки.
Май. Роддом. Стучится в окна утро.
Сквозь наркоз доходят голоса.
В руки свёрток дали на минутку:
В свёртке чудо – синие глаза,
Щёчки, лоб высокий, носик-кнопка.
Точно, дедушка один в один!
Долгожданная моя девчонка,
Сколько у нас счастья впереди!..
Ты теперь студентка, повзрослела.
Приезжаешь редко, как ни жаль...
Я хочу, чтоб бабочкой летела
Жизнь твоя в сверкающую даль...
Что-то хуже помню, что-то лучше,
Только ярко в памяти всегда:
Май, палата, у меня в руках Катюша...
Двадцать лет прошло! Ах, как бегут года!

Анашкин Сергей

<https://vk.com/id365982799>

Лунный свет

Стемнело. Ночь. Луна как блин,
Дырявит темень неба в звёздах.
За тенью день ещё один,
Подался в прошлое на отдых.
Плутает в шторах лунный свет,
В углы сгоняя сумрак зала.
Свеча. Бокал. Раскрытый Фет,
Вновь перечитанный сначала.
С картины круглой на стене,
Толстой глядит серьёзным взглядом.
На лунный свет в ночном окне,
Чуть восхищаясь звездопадом.
Камин живёт ещё теплом,
Покрыты угли белым пеплом.
Часов две стрелки за стеклом,
Торопят время в доме этом..

Самогон

Дело тут в лесу такое-
Гонит Бабка самогон!
В общем дело то простое..
Пить одной вот не резон!
Но в лесу полно зверушек,
Всякой нечисти не счесть!
Друг Горыныч, самый лучший-
У него то совесть есть!
– Приходи Змеюга в гости,
Первача тебе налью!
Мы с тобой полечим кости,
Я романс потом спою!
– Нее, делов полно продруга-
Мне деревню надо сжечь!
В городке навесьть разруху,
Отдохнуть потом прилечь!
Звонит тут Яга Кащею:-
Ты мне друг, али не друг?
Над тобой я, тьфу, фигею-
Василиску вспомнил вдруг!
Леший лишь не отказался-
Глядь в окно, уже бежит!
Странно так-упал, поднялся..
И опять к Яге спешит!
Ну и Бабушка с допросом,
– Леший, чё так-встал, упал?
Тебя что, Земля не носит?
Или где на грудь принял?
– Тут такое дело Бабка.
Говорить, не говорить...
Самогон халявный сладкий,
И душа сама летить!
Но мысля приходит сразу-
Ты сидишь, я рядом тут...
Надо ж спать с тобой, зараза!
Ну и ноги не несут!
Чем окончилось застолье?!
Жизнь, она же как межа-
Самогонки если вдоволь,
Тянет даже на ежа!
Вот и время пролетело,
Ну и сказочке конец!
Кто читал-большое дело!
Улыбнулся-молодец!

Сними фотограф

Сними фотограф это поле
И колосящуюся рожь,
В тот миг, когда всё это море
От ветерка бросает в дрожь.

.
Сними фотограф как колосья
Упругой силой налиты,
Как через их иголки солнце,
По стеблям мягко вниз скользит.

.
Сними фотограф как стрекозы,
Над полем в танце разошлись.
На солнце крылья их как слёзы,
Сплелись в агонию любви.
Сними фотограф это небо,
Что видит эту красоту..
Колосья зреющего хлеба
И одуванчиковый пух..
Сними фотограф мир без края,
Весь мир природы, красоты!
Ведь сможешь ты, я это знаю.
Сними фотограф, всё сними..

Собачья душа

На вокзале лязг вагонов,
Музыка, печаль.
Скоро тронет от перрона,
Скорый поезд вдаль.
Здесь кому какое дело-
Пёс и человек.
И глаза в глаза несмело-
Может не навек...
А хозяин... Ехать надо,
Только одному-
Где то ждёт его отрада,
Пёс там ни к чему.
Опустила псина уши,
Чувствуя беду.
А хозяин:-, Ты послушай,
Я тебя найду.
Потрепал слегка по морде,
Лапу подержал..
И пошёл к вагону твёрдо,
Через весь вокзал.
Пёс рванулся было следом-
Сказано-сидеть!
Смысл жизни псу неведом-
Но без друга смерть..
Навострил в надежде уши-
Может пошутил?
А беда закралась в душу,
Дай собачьих сил..
Усмехнётся кто то может-
Пёс и вдруг душа...
Но дожждаться псина может,
Даже чуть дыша.

Не будите любовь на рассвете

Не будите любовь на рассвете
Положите цветы у кровати,
Затопите тихонько камин.
Не будите любовь, Бога ради!
Снится пусть ей цветущий жасмин.
И вино пусть в красивом бокале,
Ей приснится среди тишины.
Пусть в ромашках приснятся ей дали,
Не мешайте любви видеть сны..
Пусть над чашечкой кофе струится
Ароматно-манящий дымок,
Не будите любовь, пусть ей снится,
Что сберечь её сон кто то смог.
Не будите любовь на рассвете,
Не будите в столь утренний час..
Сны ее пусть, все в радужном цвете,
Хоть немного коснутся и вас..

Ночной ангел

Мне сегодня приснилось,
что снова в твоём городке..
Дом у парка большой и парил я над ним налегке.
Нити сереньких туч шили к лужам всю ночь пузыри,
А на кухне твоей свет горел в темноте до зари.
Тебе тайну открою большую, ты только поверь-
Поздней ночью однажды, в едва приоткрытую дверь,
Ангел тихо влетит и неслышно коснётся крылом.
Это значит, что всё хорошо будет в доме твоём!
А там где-то, внизу, среди сонных, скупых фонарей,
Затерялись следы в листопадах разлук серых дней.
Память крылья мои заставляет кружить и нести,
Да хотя и без них мог к тебе я, конечно, дойти.
Крылья дождь промочил, ну а сам я продрог и устал...
Но всю ночь над твоим городком, словно ангел, летал.
Как ночной мотылёк, я на кухне стучался в окно,
Ну а ты за окном, одинокая, пила вино...
А на утро проснусь, и возможно, с простудой, и пусть...
Но во сне я к тебе обязательно снова вернусь!
Ты на кухне нальёшь мне горячий малиновый чай,
– Ангел! – скажут глаза
– Ты почаще ко мне прилетай!
Тебе тайну большую открою, ты только поверь...
...

Мои стихи

Нашёл перо в гусиной стае,
Макнул в чернила..О, поэт!
Гляжу в окно-уже светает,
А рифмы льются, спасу нет!
Не безразличны мне заботы,
Дела и чаянья людей.
И я пишу, вплоть до икоты,
Вонзаю в рифмы суть идей!
Пишу о том, что щи прокисли,
О Ваньке с Манькой на лугу.
И тут ловлю себя на мысли-
Какую ж я гоню пургу...!
А утром конь пришёл понурый,
Со странным именем-Пегас.
Сказал он мне, что чует шкурой,
Поэт хреновый среди нас!
Но я пишу! Чего же боле?
Пока живой, пока могу!
Писать не брошу я дотолё,
Пока мой мозг несёт пургу!

Хочешь, я нарисую картину

Хочешь, я нарисую картину?
И тебя у реки на песке.
Тонким контуром выведу спину,
Закручу завиток на виске..
Ветерок в волосах нарисую,
Пусть колышет пшеничную прядь.
Солнце в небе и даль голубую,
И желание нежно обнять.

.

Васильки я к ногам твоим брошу,
Нарисую их запах-дыши!
И мазком своей кисти взъерошу,
Твои чувства в притихшей глуши.

.

Для тебя нарисую картину,
Подарю я все краски земли.
Не поблекнут они и не сгинут,
Только будь, только верь, только жди..

Вселенная

Я вчера летал на край вселенной,
Очень было душно на Земле..
В звездной чистоте самозабвенной,
Тень моя раскинулась во тьме.
Закружило в млечном океане,
На просторах сгинувшей луны.
Я жалел о том, паря в тумане,
Что всем людям крылья не даны.
Видел на Земле дельфина спину
Через расстоянья чёрных дыр.
Понимал Малевича картину-
Ведь в его квадрате я парил.
От созвездья я летал к созвездью,
Любовался чёрной тишиной.
А безвремье радовало вестью-
Суeta сегодня не со мной.
Я вчера летал куда то в небо
И гораздо выше облаков.
В самую непознанную небыль,
От спешащих, душных городков...

Осень души

Лист осенний упал на плечо-
Ничего мой дружок, ничего..
Мы два брата с тобой близнеца,
Нас по жизни несёт без конца.
Ветерок нас по жизни гоняет,
Одного он дурной ведь не знает-
В танце если послал он кружить,
Нам сильнее захочется жить!
Пролетая над грешной землёй,
Мы свободно летаем с тобой
Полетим где нас ждут и не ждут,
Где нас примут, а где оттолкнут..
Если ветру когда надоест
Нас гонять, мы останемся здесь-
Ты под снег ляжешь жёлтым листом,
Рядом я со своим близнецом..
Мы согреем друг друга теплом,
Вспомним каждый о чём то своём..
В эту осень захочешь ты жить,
Ну а я брат и жить и любить..

Кап..кап..кап

Умирал я тихо в хате,
Пряным летом на закате..
Снайпер в сердце не попал,
Он видно дрогнул, сплеховал..
А жизнь по капле-алый цвет,
Прямой к архангелам билет.
Пришёл видать и мой черёд
И что же мне так не везёт...
кап..кап..кап..
В груди расходится огонь,
На лбу моём лежит ладонь.
И чей то голос, полон слёз..
Гляди, волнуется всерьёз.
В бреду я был, но помню жил
И кто то в дом меня тащил.
Но вот какой то холод, тьма.
Под лавку капля..всё..зима..
Письмо напишет замполит,
В деревне мать заголосит.
Видать и сам Господь не знал,
Что я своё отвоевал..
Красивый всё же алый цвет...
Мне снайпер тот вручил билет..
Всё справедливо-мой черёд..
Да что же мне так не везёт..
Кап..кап..кап...

Здесь тоскливо совсем

Здесь тоскливо совсем, на чужой стороне,
Жизнь чужая неладно устроена.
А я песни ору, всё до чертиков мне!
Да рву душу гитары расстроенной.
Нет в Харбине друзей, каждый сам по себе.
Русский говор довольно в диковину.
Под крестами остались в родимой земле,
Где друзья, а где просто знакомые.
В кабаках шум и гам, прожигается жизнь.
В сигаретном дыму одиночество..
Словно камни с горы, с треском катятся вниз,
Моя честь, моё имя и отчество.
Среди здешней весны, часто снятся мне сны,
Про берёзы, про ивы плакучие.
Листья шепчут-зачем? Что там делаешь ты?
Для чего дни безумно тягучие?
В вечном хаосе жизнь..рядом мутный бокал.
Красной мутью с плевками наполненный.
В лунном свете блестит револьвера металл,
С гравировкой-,,За доблесть.. От Родины,,...

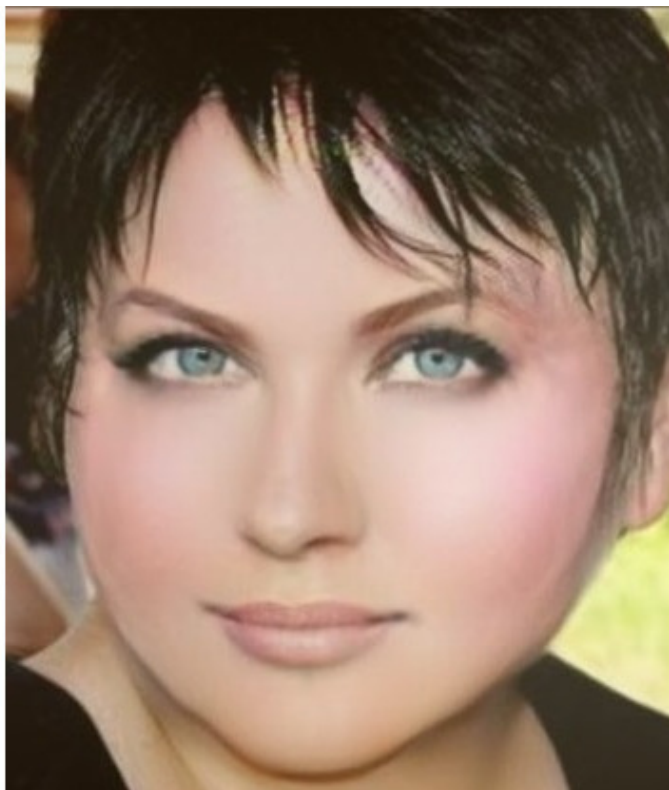
Не верю я

Не верю я в унылые приметы,
И в философскую трактовку вещей снов.
В подкинутую высоко монету,
Да пусть хоть выпадут упавших сто орлов!
Я не поверю в чьи то разговоры,
Когда без дел они пусты, как барабан.
И лезут в душу, словно в церкви воры,
Молясь неистово и потроша карман.
В чертей не верю, вылезших из ада,
И в предсказания самозванных колдунов.
А так же в рай, с его ветвистым садом,
В котором места нет для бывших и врагов.
Я верю в снег, упавший на дорогу,
И в высь летящий чистый звон колоколов.
В тропинку верю к отчему порогу.
В мужскую дружбу верю без фальшивых слов.

Бессонница

Я болею тобой, нездоровится..
Вьёт интриги ночами бессонница.
Да блуждает луна в шторах, глупая,
Здесь давно не живёт счастье хрупкое.
И напрасно звонит в церкви колокол,
Все надежды на части расколоты.
Да всё ноет в груди сердце, корчится,
Его душит собой одиночество.
Не поют в небе птицы рассветные,
Лишь деревья качают нам ветвями.
К ночи звёздной приходит бессонница,
Я болею тобой, нездоровится...

Бабошкина Ольга

<https://vk.com/id267002883>

Звёзды в ночи

Ночка тихо подкралась, взглянула в окошко,
Ярко звёздами светятся ночи глаза.
А по крыше гуляла вся чёрная кошка,
Говорят просыпается где-то гроза.

У Медведицы звёзды пропали в ковше,
Почему-то решили сегодня упасть.
Но успели внизу загадать... на земле
Море всяких желаний влюблённые... страсть...

Филин ночью не спит, только ухает громко,
И пугает зверей этих звуков полёт.
Потому что кричит, будто лает... так звонко,
А летает бесшумно, ну как самолёт.

Ночь сегодня, как смоль, без луны... ну а звёзды...
Провожая до дома знакомым путём
Парня с девушкой, что влюблены... очень поздно,
Отражались тихонько в реке под мостом.

Мой край

Неспешно шагаю один по дороге.
Деревня моя показалась вдали.
Никто меня встретить не смог из родни,
Что вовсе не страшно... уже на пороге.

Зашёл... никого... на крючке старый китель,
А в печке стоит весь, как смоль, чугунок.
Вернулся домой навсегда... Бог помог.
Ну, здравствуй, моя дорогая обитель.

Умылся по- быстрому, сев на крылечко,
Вдохнул свежий воздух... хвала небесам.
Но как я скучал по родимым местам...
Я жив... ну уймись же скорее, сердечко.

Но скачет и скачет в груди ретивое.
Простор необъятный, луга и поля,
И речка, и лес... всё родная земля.
Как хочется снова, надолго, в ночное.

Я был на Камчатке, Байкале, Урале,
Везде вспоминал щедрый, добрый свой край.
А там на чужбине... не мой это рай,
В степях Казахстана ли, в знойной Сахаре...

Мой край и мой дом ничего нет дороже,
Где слушаешь радостно трель петуха,
И танец волшебный в саду мотылька.
Я знаю, что края быть лучше не может...

Орёл

На ромашковом поле гулял конь гнедой.
Тосковал по лошадке своей голубице,
Что давно уж на воле летала, как птица,
Там в полях васильков вдалеке за рекой,
Краше всех лошадей, ведь недаром Орлица.

Сера в яблоках масть и характер стальной,
И норовиста слишком, и очень игрива.
До чего же красива и телом и гривой,
Но пришёл вскоре конь, будто ночь, вороной,
Словно принц иль король с серебристым отливом.

А Орлица вдруг стала тиха и скромна,
Не пила и не ела, теряла сноровку,
Не полюбит Орла, ведь он конь – полукровка.
Вот позор... это было во все времена.
Штамп навечно... клеймо – маркировка.

А Орёл очень долго парил в небесах,
Ждал Орлицу в ромашковом поле,
Пострадать за неё, оказаться в неволе.
И не ведом ему до сих пор был тот страх,
Что крушил и ломал всё подряд, даже волю.

Наступила ночь быстро, что конь не заметил.
Светлоокая выплыла в небо луна.
Но хоть ночь уж не будет так слишком темна,
И Орёл там вдали лошадей заприметил.
Было двое их... видно то он и она.
И Орёл полетел им навстречу, как ветер.

Очень быстро нагнал, не забыть этот миг.
Как Орлица, его голубица ласкалась,
Прижимаясь слегка, будто трогая... малость...
Он отпрянул назад... это крах и тупик.
Она любит его... сожаленье и жалость...

На ромашковом поле гулял конь гнедой,
Вспоминая до боли былые моменты.
Надо бросить давно эти все сантименты,
И Орёл полетел на свободу стрелой.
Расставляя где надо и верно акценты...

Ромашки

Нам стоит поучиться у цветов...
Однажды проходила я по лугу,
Который был за речкой, ближе к югу.
(У нас в станице множество лугов,)
Где я весь день ждала свою подругу.

Взяла и краски, кисти, и мольберт.
Жара. Июль... и зной пытит, как печка.
И я искала, чтобы сесть местечко,
И слушала кузнечиков концерт.
Здесь много звуков... хоть одно б словечко...

Ложатся краски на бумагу,
Рука сама ведёт чудесной кистью.
Я счастлива и наслаждаюсь жизнью.
Мне в помощь ветерок – бродяга.
Любуюсь я земным простором, ширию.

Взглянув направо, затаила взгляд...
Целуются две белые ромашки,
По ним повсюду ползают букашки,
По стеблю, по листкам, всё невпопад.
Ну а по мне вовсю бегут мурашки.

Я зачарована... зачем пейзаж?
Так чисто, нежно целовал подругу,
Как подобает преданному другу.
Навеки был её он верный страж,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.